

Ю.А. КРАШЕНИННИКОВА
(Сыктывкар)

**ПЕРСОНАЖИ В ПРИГОВОРАХ
СВАДЕБНЫХ ДРУЖЕК:
ОБРАЗЫ УЧАСТНИКОВ РИТУАЛА¹**

В приговорах свадебных дружек выделяется корпус текстов, которые содержат характеристики участников ритуала. Упоминающиеся в поэтических текстах персонажи можно распределить по степени их участия в ритуале (имеющие свадебный чин; приглашенные, но не имеющие свадебного чина и не приглашенные участники ритуала). Характеристики каждой группы персонажей отличаются степенью разработанности образов. Достаточно подробно характеризуются главные герои ритуала (жених, дружка, невеста), в приговорных текстах прослеживается динамика развития образов, прежде всего мужской линии (преобладают мужские портретные характеристики, описания, комментирующие физическое состояние, перемещения дружки, жениха и т.д.). Менее детально изображены другие персонажи, имеющие свадебный чин (тысяцкий, крестные, сваха, сват, помощник дружки). Некоторые чины, выполняющие специальные функции, только упоминаются в поэтических текстах (приворотники, приворотники, сторожа, конюхи, повара и др.)² или этнографических описаниях ритуала³.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым ученым — кандидатам наук (МК — 2070.2005.6).

² Так, устойчивым для свадебных приговоров является формульное выражение «у ворот приворотнички, у дверей придвернички», которое в текстах имеет способность к рас-

ширению за счет перечисления чинов, отвечающих за встречу жениха и свадебного поезда, сохранность сбури, лошадей, угощение поезжан: конюхи («*караульщики к нашим коням*», «*караульнички*»), сторожа («*стражники, чтобы берегли лошадей*»), повара («*у печи стряпчие люди*», «*у печи стряпуха*», «*у печки стряпка*», «*бабушка-поварушка*»); чинов, обслуживающих свадебный стол («*у стола столыники*», «*пристольники*») и отвечающих за пиво («*у пива наживники*», «*гвоздарчики*»), и др.

³ При описании свадебного обряда исследователи отмечают наличие чинов, выполняющих в свадьбе специальные функции. В частности, А.В. Гура в числе чинов севернорусского обряда называет бужельника, хлебника, пивника и др. [Гура 1979, 166]; К.В. Чистов упоминает перезовщиков, гвоздарей и др. [Чистов 1987, 401]. В свадебном обряде коми выбирался чин, замыкающий поезд, он ехал последним и назывался «отрубающий хвост собаки» (Усть-Куломский р-н Республики Коми); в Удорском р-не Республики Коми зафиксирован «носильщик солоницы» и т.д. [Плесовский 1968, 79, 80].

⁴ В связи с этим любопытны наблюдения Ю.Г. Круглова, касающиеся мужских и женских образов «крестьянского мира»: «...характеристика мужчин самая общая: (мужские персонажи. — Ю.К.) почти никак не изображаются. Назвать причину этого явления затруднительно. Зато замужние женщины (особенно молодые, недавно вышедшие замуж) привлекли самое пристальное внимание. Их описания, правда, однотипны» [Круглов 1984, 85].

сонажей однотипны⁵); каковы способы и причины маркировки социальной и физической неполноценности пожилых людей, детей, подростков и т.д.

Персонажи этих текстов — «*малые ребята*», «*красные девушки*», «*добрые молодцы*», «*молодые молодцы*», «*старые старики*», «*старые старухи*» — создают собирательный образ «крестьянского мира». Описания каждой группы зрителей строятся по нескольким параметрам, а набор поэтических средств для изображения каждой группы достаточно стабилен.

Незамужние девушки характеризуются посредством формулы «*красные девушки*, *пирожны мастерицы*, *горшечны пагубницы*, *криночные блудницы*». Она состоит из нескольких устойчивых сочетаний, количество которых в записях разных местностей варьируется, однако текстологические вариации вряд ли можно назвать принципиальными: с одной стороны, характеризуется кулинарное мастерство девушек («*пирожные мастерицы*», «*творожные мастерицы*», «*печь шанги мастерицы*»), с другой — способность испортить кухонную утварь или блюдо («*горшечные пагубницы*», «*горшечные побойницы*», «*хлебны пагубницы*», «*блинны пагубницы*», «*яичные пагубницы*»). Подчеркиваются такие поведенческие черты девушек, которые более свойственны девочкам, подросткам, нежели женщинам («*криношные блудницы*», «*горшечные полизунницы*», «*сметанны лакомницы*»), а также их социальное положение («*материны досадницы*», «*домашние баловницы*», «*девочки отецки*»). В целом формула содержит и передает такие характеристики «*красных девушек*» — подруг невесты, как неумение, неспособность к самостоятельному ведению хозяйства, скорее отсутствие, чем наличие кулинарных навыков, т.е. неготовность к замужеству.

Лаконичные описания-характеристики «*малых ребят*», «*старых старух*», «*старых стариков*» включают описание внеш-

ности, одежды, частей тела, места этих персонажей в избе. Их место в избе — печь, полати (например, дети — «*запечники*», «*запалатники*»). Портретное описание детей формируют сочетания, характеризующие части тела (пупки «*сини*», «*красные*», «*косые*», «*резаны*»; «*черненькие пяточки*», «*грязные запятки*», «*жимолостные ноги*») и внешний вид (одежда — «*синенькие заплатки*», «*косые заплатки*»; сопли — «*сопли до полу висят*», «*желты сопельки*», «*зеленые сопельки*», «*вострые сопли*»). При описании пожилых людей характеризуется их одежда («*худые рубашонки*», «*толстые заплатки*», «*косые заплатки*», «*косые заплаты*») и внешность («*седые головы*», «*долгие усы*, *табашные носы*», «*вишвые бороды*», «*толстые запятки*», «*синие синюшки*», «*сини брылы*», «*синие повязушки*»). Подчеркиваются физическая («*киловаты*», «*сопаты*», «*горбаты*») и социальная («*непряхи*», «*молодым людям досадчицы*») неполноценность стариков и старух, их склонность к обжорству («*кисельные осадчицы*», «*винные глоты*, *мирские моты*»):

*Эх вы, малы ребятаки,
 Сини ваши пупки,
 Вон из-за стола!
 А вы, старые старухи,
 Сини ваши брылы,
 Долой, непряхи, долой!
 А пряхи с печи на полати
 Перевалите да дале глядите.
 А вы, стары старики,
 Пожилые мужики,
 Садитесь горбом вместе
 Хлебать сырое тесто.
 Тише хлебайте,
 Нас не марайте.
 Если вам не хватит,
 То мы вам дадим
 Шерсти пуд
 Да пива куб.
 Вы шерстку вейте
 И пиво пейте...»*

[Русский фольклор Удмуртии 1990, 54—55].

Желание дружки «дистанцировать» жениха и невесту от этих персонажей воплощается в репликах, в которых он говорит об обязанностях последних. Повседневные «заботы» девушек — «*Ваше дело по кринкам лизать / Да сметану снимать, / Лепешки месить, / Да под подушку хоронить, / Пастухов кормить...*»

⁵ Поразительную устойчивость, однотипность и широту географического распространения характеристик девиц, малых ребят, старух, стариков отмечали А.К. Мореева, анализирующая свадебные приговоры дружек разных регионов России [Мореева 1927, 123—124], Ю.Г. Круглов [Круглов 1984, 84].

[Архив ГЛМ, ф. 30, д. 18, л. 29об., № 24 (зап. в Переяславль-Залесском у. Владимирской губ.), вар.: [Киреевский 1911, 77], «*Ваше дело («красных девиц». — Ю.К.) не по свадьбам ходить, не на свадьбы глядеть...*» [Шейн 1898, 678; Лысанов 1916, 96]. В отношении старых людей устойчива тема «сидения или ссылки на печь или полати», при этом дружка перечисляет их «*нюхать табачок*», «*считать тараканы шкурки*», «*грызть калачи из ржаного теста*», «*грызть жженые кирпичи*», «*пить кислый квас*», «*курить и пукать*», «*перебирать луковицы*», «*свесьть таз киселя*»:

*... Старые старухи, толстые синюхи,
Белые повязуки, худые заплаты,
Долгие зубы, синие брыла, косые толы.
Ступайте в угол,
Горбами-то сядьте вместе,
А если им тут будет тесно,
Половину (старух. — Ю.К.) отделите на
полати*

*Гнилой лук перебирать
И посадите к стене личём,
Чтобы можно было стегать бичём!*
[Архив РГО, р. 10, оп. 1, ед. хр. 50, л. 9—
9об. (зап. в Вятском у. Вятской губ.)] —

или:

*Старые старички,
Пожилые молодцы,
У вас бородки нижегородки,
Усы макарьевские,
Подите на полати,
Варено молоко хлебати
Да бороды марати.
Старые старушки,
Синие синюшки,
Толстые заплаты,
Подите на серединные полати
Луковицы перебрати,
Табачок нюхать.
Садитесь ко стене лицом,
Чтобы дружке ловчее
Вас стегнуть кнутом...
[Суслов 1901, 1].*

В имеющихся материалах отмечены и откровенно уничтожительные характеристики:

*А вы, старые старухи
Да старые старики,
Ваше дело нажраться
Да на печь взобраться,*

*На печи насрать
Да суконками застлать,
На малых ребят сказать...*
[Архив ГЛМ, ф. 30, д. 18, л. 29об., № 24 (зап. в Переяславль-Залесском у. Владимирской губ.)].

Анализ описаний стариков, старух, детей с привлечением этнографических, лингвистических данных, текстов других фольклорных жанров позволяет заключить, что в них разрабатываются характеристики, свойственные представителям негативно маркированных групп. При описании присутствующих пожилых людей и детей преимущественно используются эпитеты, изображающие физическую неполноценность, немощность, обжорство, уродливость, нечистоплотность, бедность, болезненность, склонность к обману; подобные качества в традиционных представлениях воспринимаются как отклонение от нормы.

Систематизация имеющихся текстов с изображениями пожилых людей и детей позволяет говорить, что в этих описаниях «задействовано» несколько кодов — колористический, кулинарный, вегетативный, телесный. Так, при описании частей тела и деталей одежды наиболее часто используется эпитет *синий* («*сини пупки*», «*синенькие зачатки*», «*синие синюшки*», «*сини брыльы*», «*синие повязушки*» и др.). Синий цвет в фольклорных текстах выступает маркером персонажей или явлений иного мира⁶, служит качественной характеристикой физической неполноценности⁷. Одежда синего цвета ассоциируется с повседневностью и не предназначена для ритуальных событий⁸.

⁶ См., в частности: [Мифология коми 1999, 330—331].

⁷ Это проявляется на лексическом уровне, см. например в сочетании «*синие синюшки*»: «*синюшка* — худощавый, хилый, синий лицом человек, худышка, слабый и больной ребенок» [Даль 4, 187], также «*синюха*» — заболевание сердца, при котором кожа человека приобретает синий цвет [Там же, 187], ногти, кожа человека синеют от холода, при лихорадке [Там же, 186].

⁸ Отражено в диалектах: *синюха* — домашний синий крашеный сарафан, пск. [Даль 4, 187], или верхняя женская одежда из грубого, окрашенного в синюю краску холста, вят. [Архив РГО, р. 10, оп. 1, ед. хр. 50, л. 9], и др.

Одним из негативных признаков пожилых людей и детей является их телесная неполноценность (горбатость, сутулость) и кривизна, неровность элементов одежды. Так, признаки «косой», «кривой» актуализируются в названиях деталей одежды и частей тела детей и взрослых («*косые пупки*», «*косые заплатки*»), горбатость, сутулость как телесная аномалия служит приметой, по которой старики и старухи отделяются дружкой от остальных присутствующих и группируются вместе («...*стары старики, / Пожилые мужики, / Садитесь горбом вместе / Хлевать сырое тесто...*»; «...*Старые старухи, толстые синюхи, / <...> / Ступайте в угол, / Горбами-то садьте вместе...*»). *Кривизна* рассматривается многими исследователями как универсальный негативный концепт, имеющий отношение к потустороннему, опасному миру [Толстая 1998, 223; Виноградова 2004, 21; Неклюдов 1979].

Рассматриваемые персонажи связаны с маркированными в традиции предметами. Так, устойчивым для текстов севернорусского региона является мотив «причинения возможного ущерба дружке или жениху брошенной соломинкой или соплей». Дружка обращается к «*малым ребятам*»: «*Вы, ребятки, полати не трясите, / Соломинки не уроните, / Мне, дружке, головы не проломите...*» [Ивановский 1891, 51; ФА СыктГУ: 2346–49 (Подолинский р-н Кировской обл.) и др.]. Заметим, что в традиционных представлениях солома связывается со смертью⁹, в некоторых обрядах она использовалась для «воспроизведения пространства смерти» [Байбурин 1993, 130]¹⁰. Связь

⁹ О роли соломы в похоронно-поминальной обрядности см.: [Зеленин 1991, 345]. Связь соломы со смертью обнаруживается в приметах: в частности, встреченный на дороге воз сена служил приметой смерти [Смирнов 1920, 32], у курицы в ногах волочится соломинка — к покойнику [Зеленин 1994, 143; см. также Архив РЭМ, ф. 2, оп. 2, д. 39, л. 7]. В ритуале «греть покойников» солома является одним из основных предметов, используемых для обрядовых костров [Зеленин 1994, 164–169], и т.д.

¹⁰ Нередко солома сигнализирует о пограничном состоянии участников ритуала. Так, солому использовали в обряде «зарубания» болезни: на нее клали тяжело больного ребенка, закрывали корытом и рубили по ко-

старых людей с потусторонним миром подчеркивается и посредством использования кулинарного кода: им предлагают съесть «таз киселя», что отсылает к похоронно-поминальному ритуалу («*Вы, старые старухи, запечные забивухи, толстые загнетки, косые заплатки: ваше дело на печи лежать, в углу сидеть, таз киселя съесть...*» [Киреевский 1911, 77]), или грызть печные кирпичи¹¹: «*А вы, старцы и старухи, сидели бы в лужице на печи и грызли бы жженные кирпичи, да пили бы кислый квас, а здесь обойдется и без вас...*» [ФА МГУ: ФЭ–10: 5596 (Мезенский р-н Архангельской обл.)].

При анализе поэтических текстов выявлена любопытная закономерность: крайне негативные, уничтожительные характеристики отсутствуют в тех приговорах, посредством которых дружка просит всех окружающих благословить жениха и невесту (перед отъездом к венцу, подклетом). Зачастую в текстах с просьбой о благословении характеристики присутствующих на свадьбе лаконичны и располагаются в виде «перечней», следуя друг за другом каскадом, например:

рыту топором [ФА ИЯЛИ: материалы 2006 г. (Прилузский р-н Республики Коми)] или рубили положенные на корыто соломинки [ФА СыктГУ: 1383–21 (Прилузский р-н Республики Коми)]; в свадебном обряде: в последний день перед свадьбой девушки ночевали в доме невесты на полу, застеленном соломой [ФА СыктГУ: 1353–16, 1375–2 (Прилузский р-н Республики Коми)], и др. Что касается фольклорных текстов, то в контексте рассуждений о соломе как одном из атрибутов потустороннего мира, мира нечистых любопытны наблюдения над образом сватьи в корильных песнях Лузского р-на Кировской обл. Как заключает Е.А. Шевченко, в образе сватьи «аккумулируются архетипические черты антигероя»; это воплощается, в частности, в описании поедания сватьей маркированных в традиции предметов — соломы, сороки, что «переводит ее в мир нечистых, мир мертвых» [Шевченко 2000, 91].

¹¹ Ср.: распространенный в севернорусской мифологической прозе мотив тяжелой смерти колдуна, обусловленной тем, что им не были переданы колдовские знания. В числе узловых компонентов этих текстов, участвующих в формировании сюжета, есть следующие: умирая, колдун грызет матицу, печные кирпичи, свои руки и т.д.

Благословите, все гости званые и незваные, стары старички-винопивнички, старые старушки, молодые молодухи, красны девицы, молоды молодцы, дочери отецки, жены молодецки, малыньки ребятки — косиньки заплатки, «кутяна» и «полотьяна», «сережана», «запечана» с печи долой, а неряхи домой! [Аргентов 1925, 18] —

или:

*Старые старички,
Пожилые мужички,
Старые старушки,
Молодые молодухи —
Шиты-браные воротки,
Поротые передки;
Малые робёночки,
Белые охлупочки,
Благословите нашего князя молодого
Со княгиню молодую
На подклет иди —
Опочевывати!*
[Зеленин 1904, 193—194].

Такое детализированное перечисление сближает свадебные приговоры с текстами заговоров «на всеобщую людскую любовь».

В портретных описаниях молодых мужчин и молодых женщин концентрируется информация с положительным значением. Лаконичные характеристики молодых мужчин — «добрых молодцев» — формируются с помощью нескольких устойчивых сочетаний: «удалые молодцы», «хорошие молодцы», «кулачные бойцы», «удалые головы», «широкие бороды», «умные головы», «большие бороды», «гладкие головы» («добрые молодцы», «далыя (удалые. — Ю.К.) головы и широкие бороды, большие ваши усы и золотые волоса...» [Киреевский 1911, 77]). В корпусе имеющих в нашем распоряжении текстов мы зарегистрировали лишь несколько единичных описаний, в которых называются одна-две детали одежды молодых мужчин или упряжи их коней.

Положительная семантика образов молодых мужчин проявляется прежде всего в их номинации. Во-первых, дружка называет их молодцами, подчеркивая такие их качества, как статность, ловкость, сметливость, ум, молодость, удаль¹². Во-

¹² См.: «молодой, молодец — молодой человек, видный, статный, ловкий, толковый, сметливый, удалой, отважный» [Даль 2, 332].

вторых, семантическая информация, заложенная в слове *молодцы*, дублируется эпитетами *добрый, хороший, удалой, молодой, умный*, которые позволяют охарактеризовать присутствующих молодых мужчин как физически развитых, духовно состоявшихся, готовых к браку или уже состоящих в браке¹³. Другими словами, сочетания, формирующие характеристики «добрых молодцев», выражают одновременно физическое и социальное благополучие молодых мужчин.

В портретных характеристиках мужских персонажей заметное место занимает описание бороды, волос («*большие бороды*», «*широкие бороды*», «*большие усы*», «*золотые волоса*» и др.). Актуализация этой темы закономерна, так как в ней нашли отражение народные представления, связанные с такими признаками мужских образов, как мужественность, воплощение жизненной силы, плодородие, богатство, изобилие [СД 1, 229, 420]. Уместно упомянуть и устойчивую корреляцию бороды как типично мужского атрибута с представлениями о мужской сексуальности [Агапкина 2002, 190], а также об отношении к бороде как божественному атрибуту (ср. у старообрядцев «*борода — образ и подобие Божие*» [Даль

¹³ Так, дружка называет молодых мужчин «*хорошими*», характеризуя не только их физические данные, но и внешность, внутренние качества (см.: «*хороший* — 1. лепый, красный, прекрасный, красивый, красовитый, басыстый, баской, видный, взрачный, казистый, приглядный, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности; 2. добрый или путный, ладный, способный, добротный, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству...» [Даль 4, 561—562]. Кроме того, в вологодском диалекте *хорош* употребляется в значении «*хахаль, любовник*» [Там же, 562], т.е. эпитет *хороший* выступает в качестве характеристики сексуальной силы. Посредством эпитета *удалой* подчеркиваются такие качества, как храбрость, смелость, отвага, удачливость; последнее в народной этимологии близко к понятиям счастье, успех [Там же, 471]. Кроме того, «*удача*», «*доброта*», «*ум*» в народных представлениях осознаются как проявления божественного, благодати, как качества характера, притягивающие божественную помощь, что нашло отражение в паремиях: «*Добр один Господь*», «*К удалому и Бог пристаёт*» [Даль 1, 444; 4, 471], «*Всякая мудрость от Бога*», «*Доброму Бог помогает*» [Даль 1989, 106, 375].

1, 115]). Положительное значение усов, бороды задается эпитетами-определениями «широкий», «большой», «золотой». В образах усатых, бородатых «добрых молодцев» аккумулируется семантика «творящего, производящего, рождающего начала» [СД 1, 230]. В этом контексте «вшивые бороды» стариков воспринимаются как признак нечистоты, болезненности, несчастья¹⁴. В описаниях молодых мужчин интерес также вызывает сочетание «гладкая голова», в котором эпитет «гладкая» означает «глаженный», «лощенный», что в сознании носителей традиции расценивается как проявление здоровья, дородности, ухоженности¹⁵.

Посредством вышеперечисленных сочетаний формируется собирательная портретная характеристика всех присутствующих мужских персонажей как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Такое неразделение на «своих» и «чужих» позволяет вписать жениха в «мужской» круг, наделяя его теми же качествами, что и всех молодых мужчин, его окружающих, — способностью к деторождению, зрелостью, благополучием.

Как уже говорилось, развернутые описания мужских представителей в приговорах отсутствуют. Характеристики, как правило, лаконичны и нейтральны: мужчины характеризуются по возрастному признаку, семейному положению или роду деятельности («пожилые мужики», «молодые мужички», «холостые», «женатые», «холостые кузнецы», «молодцы-сапожники», «слесаря», «бондаря», «корабельщики»).

¹⁴ Появившиеся вши предвещают смерть или несчастье в семье; вши на покойнике свидетельствуют о том, что он был колдуном или ведьмой [СД 1, 447—448]. Отсутствие бороды также расценивается как крайне негативный признак, что отразилось и в фольклорных жанрах (например, в частушке:

*Вот совдатики не люди,
Их и девушки не любят,
А отчего не любят их:
Морды бритые у них*

[ФА ИЯЛИ: ВФ 1714—75 (Вилегодский р-н Архангельской обл.)].

¹⁵ В частности, «гладкий — глаженный, лощенный, плавный; о животном и человеке — жирный, тучный, здоровый, полный» [Даль 1, 352].

В приговорах дружек обнаруживаются явные переключки, связанные с выбором одних и тех же художественных средств для характеристики присутствующих молодых мужчин и жениха. В частности, в записях из Вилегодского р-на Архангельской обл. образ жениха-князя формируется эпитетами *добр, здоров, здравен, хорош, исправен*, которые указывают на физическую и духовную зрелость жениха, его готовность к браку (см. выше значения «хороший / хорош»). Лаконичные характеристики дополняются описаниями «гуляющего в поле молодца», в которых жених сравнивается с «ясным соколом», «серым зайцем». Употребление этих зоо- и орнитоморфных образов объясняется их общей мужской символикой, связанной с браком [Иванов, Топоров 1970; цит. по: Гура 1981, 130, 132], и «архаической, сакральной в своих истоках фаллической символикой» [Гура 1997, 184] образов:

*...У нас молодой князь хорош,
Как ясный сокол по полю летает,
Дружек подзывает.
Сапог об сапог поколачивает,
Дружек заворачивает...*

[ФА СыктГУ: 04—1—47 (Вилегодский р-н Архангельской обл.)];

[Жених] *Как серый зайка
По чистому полю поскакивает,
Нас, резвых дружек, поворачивает.
У нас молодой князь здравен и исправен.
Молодая кнезья-невеста,
Жениха не утрашишь,
Голова как кий, а он как клин...*
[ФА ИЯЛИ: АФ 1704—107 (Вилегодский р-н Архангельской обл.)];

*А у нашего молодого князя как рог,
Голова как кий, а сам как клин,
А язык как колоколо...*
[ФА СыктГУ: 0481—77 (Вилегодский р-н Архангельской обл.)].

Последние три строки являются устойчивой для приговоров вилегодской традиции характеристикой жениха, которая строится на традиционном для заговоров от импотенции мотиве «рога» [Познанский 1995, 204].

Молодые замужние женщины — «молодые молодницы», в общество которых после инициации входит невеста, изображаются в поэтических текстах деталь-

но и более ярко: «*молодые молодушки, белые лебедушки, черные брови, “умильные”* (умильные. — Ю.К.) *взгляды, золотые кокошники и серебряны сережки...*» [Киреевский 1911, 77], «*молодые молодницы, сизые голубицы, белые лебедицы, молодые молодницы, аленькие у вас платочки, белые волосочки, кудреватые височки, брови щипаны, рожки мазаны, носы тянуты, походочки молодецкие, говоря лебединая...*» [Кузнецов 1902, 23]. В портретных характеристиках «*молых молодниц*» также концентрируется положительная информация. Так, в ряде диалектов «*молодницей*», «*молодушкой*» называют молодую замужнюю женщину, еще не родившую или родившую первенца-мальчика [Даль 2, 333]. Описания женщин строятся на перечислении деталей одежды («*золотые кокошники*», «*красные кокошнички*», «*серебряны сережки*», «*долги сарафаны*» и др.) и внешности («*черные брови*», «*пригожие взгляды*», «*покрытые головушки*», «*гладенькие головушки*», «*высокие головушки*», «*постатные походки*» и др.), которые актуализируют такие качества молодых женщин, как статность, пригожесть, дородность, обладание достатком, процветание. Эти качества усиливаются с помощью колористического кода: в описаниях доминирует золотая, серебряная, красная цветовая гамма, которая применительно к свадебному обряду обладает продуцирующей символикой [СД 2, 352—355, 647—648].

Одной из центральных тем в приговорах, содержащих лаконичные описания коллективного портрета молодых замужних женщин, является тема фертильности, которая возникает через упоминание женских гениталий. Так, в записях из Вятской губ. у «*молых молодушек*» «*Шиты-браные воротки, / Поротые передки...*» [Зеленин 1904, 193—194], из Вилегодского р-на Архангельской обл. у «*тетушек-молодушек, белых лебедушек... смазаны, / Посередке глажены, / Для нас, для дураков, излажены...*» [ФА СыктГУ: 0481—77 (Вилегодский р-н Архангельской обл.)]. В Пинежском р-не Архангельской обл., Мурашинском р-не Кировской обл. зафиксированы подчеркнутые скабрзные описания:

*Женщины, ходите,
Сикиль по полу не волочите,*

*Дружка хромой возьмет
Поскользнется да упадет*
[ФА СыктГУ: 1826—10 (Мурашинский р-н Кировской обл.)] и др.

Характеристики молодых замужних женщин обнаруживают параллели с описаниями невесты: в приговорах дружка изображает невесту умелой и опытной в сексуальных делах¹⁶, создавая этот образ вместо описания ее жизни в девичестве. Так, в повествование о пути-дороге свадебного поезда вилегодский дружка включает эпизод, в котором рассказывает о подслушанном в дороге разговоре о невесте, привечающей на «*большой дороге*» «*каждого встречного-поперечного*»:

*Ехали чистыми полями,
Зеленыма лугами,
Попало нам озеро.
На озере две утицы плавают.
Одна утица говорит, что
У вас молодая княгиня
Недобрых родов-то была,
На большой дороге жила.
Сто человек по дороге проходило,
Она каждого из них целовала
И каждому давала...*

[ФА ИЯЛИ: АФ 1706—40 (Вилегодский р-н Архангельской обл.)].

Или обращается к родителям невесты с просьбой подтвердить или опровергнуть слухи о ней:

*...Говорят, будто бы ваша молодая княгиня
Каждого встречного-поперечного окликала,
<В> уста целовала каждого
встречного-поперечного,
Каждому похоркать¹⁷ давала,*

¹⁶ Содержание анализируемых фрагментов прямо противоположно содержанию песен, в которых разрабатывается тема неумения невесты обращаться с женихом. Так, в песне, записанной в Глазовском у. Вятской губ., которая исполнялась во время приезда жениха в дом невесты, отец невесты обращался к жениху: «*Над моей дитей не ломайся! / Мое дитя не учена, / Не учена дитя, обручена: / Сосретить тебя не умеет, / С лошади ссадить не возмозет, / За ушки поцеловать не горазда*» [ГАКО, ф. 170, оп. 1, д. 130, л. 30—30об.].

¹⁷ *Хоркать* — арх. «мыть с дресвой, шаркать, тереть» [Даль 4, 561]. В народной терминологии Вилегодского р-на зафиксировано следующее значение слова: «хоркаться — совершать половой акт».

*На кровать приглашала,
Сват да сватьяюшка,
Невестина матушка,
Правда ли неправда?*
[ФА СыктГУ: РФ 0408, с. 65—67 (Ви-
легодский р-н Архангельской обл.)].

Итак, в свадебных приговорах обозначены и «проговариваются» регламентированные обрядом модели поведения представителей разных половозрастных групп (детей, молодежи, стариков, молодых замужних женщин, молодых мужчин). Тексты, содержащие характеристики участников ритуала, наделены определенной смысловой нагрузкой, им присуща продуцирующая и профилактическая функции. Во-первых, в лаконичных описаниях молодых женатых мужчин и замужних женщин педалируются те свойства и качества, которыми должны обладать главные персонажи обряда; в свадебных приговорах обнаруживаются явные переключки при описании молодых женатых персонажей и молодоженов. Посредством данных текстов жених и невеста вписываются в новую социально-возрастную группу и наделяются исключительно положительными характеристиками — здоровьем, фертильностью, добром, умом, красотой, удачливостью, благополучием. Подчеркнутый эротизм образов жениха и невесты, их сексуальная гиперактивность, изображение жениха с гипертрофированными гениталиями и описание невесты «опытной» девушкой объясняются особым статусом молодоженов и соответствуют их реальному переходу в статус способных к деторождению.

Вместе с тем благодаря приговорам, в которых присутствуют характеристики детей, подростков, пожилых людей, жених и невеста дистанцируются от присутствующих, не готовых к браку, не достигших или перешагнувших рубеж детородного возраста, способных навлечь на молодоженов физические страдания, неспособность к деторождению, отсутствие благополучия. В подобном контексте нам видится неслучайным выбор поэтических средств, которые используются для маркировки социальной и физической неполноценности этих персонажей.

Литература

- Агапкина 2002 — *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Аргентов 1925 — *Аргентов Г.* Наговоры дружки на свадьбе // Кунгуро-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 2. С. 17—19.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Виноградова 2004 — *Виноградова Л.Н.* Телесные аномалии и совершенная красота как признаки демонического и сакрального // Традиционная культура. 2004. № 2. С. 18—27.
- Гура 1979 — *Гура А.В.* О роли дружки в севернорусском свадебном обряде // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 162—172.
- Гура 1981 — *Гура А.В.* Ласка (*mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. 1. // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 121—139.
- Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль 1—4 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995.
- Даль 1989 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
- Зеленин 1904 — *Зеленин Д.К.* Свадебные приговоры Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1904. С. 173—208.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Зеленин 1994 — *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994.
- Ивановский 1881 — *Ивановский К.* Свадебные обычаи в Городецко-Николаевском приходе Устюжского уезда // Вологодский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом под ред. члена-секретаря комитета Ф.А. Арсеньева. Т. 2. Вологда, 1881. С. 45—61.
- Киреевский 1911 — *Песни, собранные П.В. Киреевским.* Новая серия. Вып. 1. М., 1911.
- Круглов 1984 — *Круглов Ю.Г.* Свадебные приговоры как жанр // Жанровая специфика фольклора. М., 1984. С. 74—95.
- Кузнецов 1902 — Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столетия / Сообщил А. Кузнецов // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1902. Т. 72. № 5. С. 8—58.
- Лысанов 1916 — *Лысанов В.Д.* Досюльская свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губ. Петрозаводск, 1916.
- Мифология коми 1999 — *Мифология коми.* М.; Сыктывкар, 1999. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. 1).

Мореева 1927 — *Мореева А.К.* Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. Вып. 2—3. М., 1927. С. 112—129.

Неклюдов 1979 — *Неклюдов С.Ю.* О кривом оборотне: К исследованию мифологической семантики фольклорного мотива // Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения Д.К. Зеленина. Л., 1979. С. 133—141.

Плесовский 1968 — *Плесовский Ф.В.* Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.

Познанский 1995 — *Познанский Н.Ф.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.

Русский фольклор Удмуртии 1990 — Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1990.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого: В 5 т. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999.

Смирнов 1920 — *Смирнов В.А.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Кострома, 1920. С. 21—126. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 15).

Сулов 1901 — *Сулов И.* Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1901. № 33.

Толстая 1998 — *Толстая С.М.* Культурная символика слав. *kriv- // Слово и культура: Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 215—229.

Чистов 1987 — *Чистов К.В.* Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 396—416.

Шевченко 2000 — *Шевченко Е.А.* Корильные песни сватье в Лузском районе Кировской области // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 90—98.

Шейн 1898 — *Шейн П.В.* Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах / Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898.

Сокращения

Архив ГЛМ — Фольклорный архив Государственного литературного музея.

Архив РГО — Архив Русского географического общества.

Архив РЭМ — Архив Российского этнографического музея.

ГАКО — Государственный архив Кировской области.

ФА ИЯЛИ — Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд.

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

ФА МГУ — Архив кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета.

Г.З. ИМАЕВА

(Уфа)

РОЛЬ ИМЕН-ПРОЗВИЩ В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ СКАЗКИ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

Традиционная сказка не знает портретных и психологических описаний. Характеры персонажей проявляются обычно в их действиях и поступках. В этом случае немаловажное значение для создания образной характеристики героев приобретают их имена-прозвища.

На роль имен-прозвищ в стилистической структуре восточнославянских сказок обращает внимание Л.Г. Бараг, который считает, что они «представляют интерес как выражение единства стиля сказок восточнославянских народов и мощного влияния русской сказки на сказки белорусов и украинцев», и объясняет совпадение довольно многих имен-прозвищ героев русских, белорусских и украинских сказок влиянием русской лубочной традиции [Бараг 1968, 27, 2]. А.М. Смирнов-Кутачевский при анализе имен-прозвищ в восточнославянской сказке находит, что в их основе лежит не одно звукоподражание, а зрительные, слуховые и моторные впечатления [Смирнов-Кутачевский 1927, 77]. На именах сказочных персонажей специально останавливается Н.В. Новиков. Он исследует систему образов восточнославянской волшебной сказки и указывает, что персонажи (герои) получают прозвища либо по социальному положению, либо по условиям жизни, либо по поведению [Новиков 1974].

Большой материал для выявления роли имен-прозвищ в создании характеристики героев дает сказка «Ерш Ершович» (А 254*). Восходит она к книжной повести XVII в. «О Ерше Ершовиче», которая в устном изложении получила подлинно народную интерпретацию, приобретает форму и стиль традиционных сказок о животных. Содержание сказки сводится к описанию судебной тяжбы между ершом, обманным путем вселившимся в озеро, и его ста-